

«ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ» КАК МЕТАНАРРАТИВ МОДЕРНА

В данной статье ставится задача локализации проекта «тотальной мобилизации» Э. Юнгера в историческом времени модерна. Этот проект был создан Э. Юнгером в одноименном трактате «Тотальная мобилизация», а также в политико-философском сочинении «Рабочий. Господство и гештальт» в 1930-х гг. Для этого предпринимается схематическое сравнение модерна и так называемого постмодерна с целью очертить переходный период, именуемый кризисом модерна или «рефлексивной модернизацией».

К концу XIX в. в результате модернизационных эффектов предустановления модерна начали терять свою легитимность. Мораль, развитие которой происходит значительно медленнее внешних изменений, не смогла приспособиться к быстрым темпам общественных трансформаций. Произошел упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних веков питал к принципу всеобщего прогресса человечества. Развенчание идеи прогресса было связано с крахом веры в возможность достижения совершенства в конце пути. Возникло ощущение «разъединенного времени», идущего от неожиданного эпизода к непредвиденному, угрожающего способности человека составить из отдельных фрагментов целостное повествование [1]. Самая важная, по сути, конституирующая черта общества «принудительного и безумного развития» [2:514-516], — уверенность: уверенность в себе, в других людях, в общественных институтах, — стала исчезать.

Модерн был проектом, направленный на защиту от хаоса. Его строители были проникнуты порывом «начать сначала», создать искусственный порядок на месте осколков вневременного, когда-то самовоспроизводящегося, самоподдерживающегося, но уже более не жизнеспособного «естественного» порядка. Просвещение объявляло войну «опасности, проистекающей как из неоднозначности мыслей, так и из непредсказуемости действий» [1:79]. Пытаясь усмирить хаос, человек модерна променял часть своих шансов быть счастливым на определенные элементы безопасности. Счастье же проистекает из удовлетворения потребностей, прежде в значительной мере подавлявшихся. Т.е., счастье означает свободу: свободу действовать на уровне порыва, следовать своим желаниям. В поисках безопасности человек пожертвовал именно такой свободой, установив порядок. Эпоха модерна открыла путь в эру постоянной дисгармонии между желаниями и возможностями. По этой же причине она стала эпохой двойственности. И это сделало необходимой и неизбежной присущую модерну скептическую критику, уходящую корнями в гнетущее ощущение того, что вещи не таковы, какими кажется, а мир, уже представлявшийся нашим, лишен достаточных оснований, чтобы на него можно было опереться. Если средневековый индивид жил в обществе, не знающем сколько-нибудь развитого отчуждения, в силу чего он обладал значительной мерой цельности и нерасчлененности его собственной практики, то человек модерна утратил эти качества при переходе к более развитому и дифференцированному буржуазному обществу. «Богооставленность» человека стала центральной темой художественных произведений, созданных на рубеже XIX-XX вв.

В результате так называемых «непредусмотренных последствий модернизации» (термин У. Бека) субстанция модерна необратимо изменилась, что заставило говорить о наступлении некоего постмодерна. Доминирующей является тенденция датировки оформления постмодерна серединой 1950-х гг., когда было осознано, что вторая мировая война и связанные с ней события стали поворотным пунктом в разрушении тотального мировоззрения модерна [3:601-618]. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, основной характеристикой постмодерна является недоверие к метанарративу [4:10]. З. Бауман,

не поддержавший точку зрения о наступлении постмодерна, говорит о «растекающейся, подвижной, разделенной, разобщенной и дерегулированной версии» модерна, обозначая ее как «новый мировой беспорядок» [1:31,44]. У. Бек называет постмодерн «обществом риска» [5:135-137], в котором хаос стал нормой жизни. Хаос перестал быть главным врагом рациональности, цивилизации, рациональной цивилизованности и цивилизованной рациональности; он уже не является воплощением сил тьмы и невежества, которые поклялись уничтожить эпоху модерна и сделала для этого все возможное. Мир в период постмодерна представляется сферой нестабильности, изменений, лишенных определенного направления, областью спонтанного и вечного экспериментирования с неопределенными и непредсказуемыми последствиями. С усилением глобализации и информатизации тотальность мировоззрения, присущая модерну, стала невозможна. Возникло ощущение «разъединенного времени», идущего от неожиданного эпизода к непредвиденному и угрожающего способности человека составить из отдельных фрагментов целостное повествование. Метанаррация модерна распалась на множество мини-метанарраций. Серьезным трансформациям подвергся институт государства. Как писал Ж.-Ф. Лиотар, «экономическая «активизация» на современной фазе развития капитализма, поддерживаемая изменениями техники и технологий, сопровождается изменением функции государства: начиная с этого синдрома формируется образ общества, который обязывает серьезно пересмотреть подходы, представленные в качестве альтернативы. Короче говоря, функции регулирования, а значит и воспроизводства, уже являются и будут далее все более отчуждаться от управляющих и передаваться технике. [...] В этом контексте новым является то, что бывшие полюса притяжения, созданные национальными государствами, партиями, профессиями, институтами и историческими традициями, теряют свою привлекательность» [4:42-43]. В постмодерне произошло переистолкование гуманистической концепции индивидуума. Индивидуальность сменилась «индивидуализацией» [1:57]: «Индивидуализация» сегодня означает нечто весьма отличное от того, что понималось под этим словом сто лет назад или чем представлялась она в ранние периоды Нового времени — в эпоху восторженного «освобождения» человека от плотно сплетенной сети всепроникающей зависимости, слежки и принуждения. У. Бек истолковал рождение индивидуализированного человека как один из аспектов непрерывной и продолжающейся, вынужденной и всепоглощающей модернизации.

Таблица 1. Сравнение тенденций и индикаторов модерна и постмодерна

Модерн	Постмодерн
безопасность	неуверенность, «общество риска»
национальное государство	Глобализация
индивидуум как высшая ценность	индивидуализированность как частность, privacy
метанарратив	осознание невозможности создания метанарратива, индивидуальные метанарративы, жизнь как рассказанная история
единство пространства и времени	разобщенность пространства и времени
кризис как постоянный индикатор и преодоление кризиса за счет «больше модерна»	осознание невозможности преодоления кризиса за счет «больше модерна», появление качественно новой реальности
вера в прогресс	делегитимация веры в прогресс
общество как действующая величина	превалирование частного над общим

Модерн	Постмодерн
увеличение мобильности	«принудительная» мобильность как состояние жизни, не являющаяся свободным выбором человека
порядок	«новый мировой беспорядок», «биографическое разрешение системных противоречий»

На протяжении модерна в европейской культуре идет постоянная борьба между традиционализмом и индивидуализмом, между «независимым достоинством особого индивидуального мнения, вкуса, дарования, образа жизни — одним словом, самоценностью отличия» и «наибольшей степенью включенности, нормативности, максимальной воплощенностью общепринятого — образцовостью» [6:3]. Независимость личности от внешнего мира означает, что отныне на нее ложится тяжкая личная ответственность за этот мир... Какой бы то ни был смысл, с тех пор, как «Бог умер», он вносится в мир личностью. Всякое «Я» ищет авторитетную позицию и обретает такую позицию в том, что выше «Меня». Ищущий обязан знать, что гарантий нет, что выбор — на полную его ответственность, что другие личности выбрали и выбирают иначе. На протяжении всего этого времени предпринимаются попытки преодолеть индивидуализм. Конец XIX — первая треть XX в. ознaменована особенно настойчивыми попытками преодолеть ценности Просвещения, отойти от индивидуума, очиститься от грехопадения: «Признаки разложения, распада — вот печать, которой подтверждается подлинность модерна; именно с помощью этих средств современность отчаянно отрицает замкнутость вечно неизменно; одним из ее инвариантом является взрыв» [7:37]. Вновь человек отдельный становится важен только постольку, поскольку он есть часть целого, поскольку он типичен. Главное качество индивидуа — способность к познанию — перестает быть ценностью. Ценным становится не познание жизни, но ее осознание и принятие. Историческая обстановка, и в особенности опыт первой мировой войны лишает индивидуума качеств, его конституирующих — поступать так, как он считает нужным, по совершенно свободному решению, обязательному лишь для этого Я. Война ставит перед человеком еще одну проблему, заставляющую его вступить в ментальный конфликт с самим собой, — невозможность найти смысл в происходящем. Значит, требуется переосмысление положения отдельного человека в мире и его сути: «Кто сегодня в Германии жаждет нового господства, тот обращает свой взор туда, где за работу взялось новое сознание свободы и ответственности» [8:63]. Каково же то «новое сознание свободы», которое предложил Э. Юнгер? — «Наиболее мощно наша свобода всюду открывается там, где есть сознание того, что она является ленным владением. [...] То качество, которое прежде всех остальных считают присущим немцу, а именно, порядок, — всегда будут ценить слишком низко, если не смогут усмотреть в нем отражение свободы в зеркале стали. [...] Все и вся подчинено ленному порядку, и вождь узнается по тому, что он есть первый слуга, первый солдат, первый рабочий. Поэтому как свобода, так и порядок соотносятся не с обществом, а с государством, и образцом всякой организации является организация войска, а не общественный договор. Поэтому состояния предельной силы мы достигаем только тогда, когда перестаем сомневаться в отношении руководства и повиновения». Тотальная мобилизация, являющаяся необходимой предпосылкой возможности достижения мирового господства, предполагает урезание индивидуальной свободы — притязания, которое, по мнению Э. Юнгера, — «на самом деле, уже издавна вызывало сомнение» [8:451].

Проект тотальной мобилизации — это ответ Э. Юнгера на вызовы рефлексивной модернизации. «Как в XVIII в. устанавливающий свою автономию разум разоблачил сословные привилегии и религиозную картину мира, так во второй половине XIX в.

был разоблачен сам разум и вместе с ним все здание буржуазного общества» [9]. Э. Юнгер видел свою эпоху как тенденцию, предвещающую наступление эпохи «Рабочего». Настоящее для него было переходной эпохой. Восприятие настоящего как переходной эпохи позволяло автору дать себе своего рода временную «передышку» и освободиться от пут истории.

Как отмечает У. Бек, возможны две «рефлексивные формы реакции» на модерн, которые он называет «рефлексивным плюрализмом» и «рефлексивным фундаментализмом». Рефлексивный фундаментализм стремится к восстановлению разрушенных ценностей модерна, в то время как рефлексивный плюрализм позитивно оценивает модернизационную динамику и не ищет однозначных и окончательных решений. Проект «тотальной мобилизации», как было продемонстрировано в предыдущих главах, видя негативные последствия модернизации, не отрицает ее, а призывает к решению, учитывающему и не отрицающему ее последствия. Однако решение, предлагаемое этим проектом, нельзя в полной мере отнести к разряду «рефлексивно-плюралистичных». «Тотальная мобилизация» Э. Юнгера — проект, созданный в период «рефлексивной модернизации» как попытка преодоления кризиса модерна. Как таковая она претендует на установление фундаменталистской альтернативы¹ модернистским ценностям. Осуществление проекта «тотальной мобилизации» предполагает замену координат, базовых институтов и ведущих идей модерна и установление новой формы общественной структуры. Но цель планетарного государства Рабочих — достижение мирового господства — укоренена в модерне. Планетарность распространения Рабочего ограничена Германией как национальным государством. Призывы Э. Юнгера разглядеть пока подспудные признаки приближающегося господства новой расы рабочих и принять его как неизбежность — это попытка вернуть утраченную в процессе активной модернизации опору и уверенность, попытка дать новое основание и преодолеть сомнение. Поэтому ответ, данный Э. Юнгером на вызовы агрессивной, радикальной модернизации, нельзя признать принадлежностью постмодерна. Его ответ на кризис — модернистский, призывающий разрешить противоречия, опираясь на базовые установки современности. Больше и лучше современности — вот к чему призывает Э. Юнгер.

Таблица 2. Период «рефлексивной модернизации» как переходная стадия между модерном и постмодерном

Модерн	«рефлексивная модернизация»	постмодерн
Безопасность	вторжение опасного	неуверенность, «общество риска»
национальное государство	планетарность	глобализация
индивидуум как высшая ценность	тип; антииндивидуализм, коллективизм	индивидуализированность как частность, privacy
логоцентричный метанарратив	отказ от метанарратива модерна и плюрализм	метанарративов осознание невозможности создания метанарратива, индивидуальные метанарративы, жизнь как рассказанная история

¹ Л. Дюпье пишет: «Объединив тонкие наблюдения и пламенные формулировки, его (Э. Юнгера — М.Г.) талант сумел не только сублимировать «военное переживание», но и вдохновить крайне правых на политический, материальный и экзистенциальный переворот модерна в смысле создания фундаменталистской «альтернативы» [10:15-40].

Модерн	«рефлексивная модернизация»	постмодерн
единство пространства и времени	начало разобщенности пространства и времени, иллюзорность единого пространства, ускорение времени	разобщенность пространства и времени, текучесть
кризис как постоянный индикатор и преодоление кризиса за счет «больше модерна»	осознание невозможности преодоления кризиса за счет «больше модерна»	появление качественно новой реальности
вера в прогресс	делегитимация веры в прогресс	переосмысление прогресса как неизбежности
общество как действующая величина	отказ от общества как действующей величины	превалирование частного над общим
увеличение мобильности	постулирование тотальной мобильности (мобилизация)	«принудительная» мобильность как состояние жизни, не являющаяся свободным выбором человека
Порядок	«новый» порядок	«новый мировой беспорядок», «биографическое разрешение системных противоречий»

«Новое», приближение которого чувствовал Э. Юнгер в 1920-1930 гг. XX в., было отблеском «старого» модерна и его порождением: «Новое — это не само новое, а тоска по нему, которой больно все новое. То, что ощущает себя утопией, остается негативом, отрицанием существующей реальности, находясь в кабале у нее...» [7:52]. Проект «тотальной мобилизации» был одной из многочисленных попыток создания «нового порядка». Такие попытки, несмотря на устремленность вперед, имели неизбежно регрессивный характер, так как порождение качественно новой реальности возможно только после переработки реальности предшествующей: «На новое давит сила старого, которое нуждается в новом для своего самоосуществления» [7:36]. Дialeктика модерна такова, что «признаки разложения, распада — вот печать, которой подтверждается подлинность «модерна»; именно с помощью этих средств современность отчаянно отрицает замкнутость вечно неизменно; одним из ее инвариантов является взрыв» [7:37]. Модерн обращается против самого себя.

Э. Юнгер писал: «Одно из средств подготовки к новой, проникнутой большей отвагой жизни, состоит в отвержении оценок освободившегося и ставшего самовластным духа, в разрушении той воспитательной работы, которую провела с человеком бюргерская эпоха. Чтобы это был коренной переворот, а не просто какая-то реакция, желающая отбросить мир на сто пятьдесят лет назад, нужно пройти через эту школу. Ныне все зависит от воспитания таких людей, которые со свойственной отчаявшимся достоверностью сознают, что притязания абстрактной справедливости, свободно-го исследования, совести художника должны предстать перед более высокой инстанцией, нежели та, которую можно найти внутри мира бюргерской свободы. Если сначала это совершается в сфере мысли, то именно потому, что противника следует встретить на том поле, где он силен. Лучший ответ на измену, которую дух соверша-

ет по отношению к жизни, — это измена духа по отношению к «духу», и участие в этой подрывной работе входит в число возвышенных и жестоких наслаждений нашего времени» [8:97]. Акт нигилизма, которым должна быть побеждена бюргерская мораль, — это обращение духа против самого себя. Э. Юнгера отрицает общепринятые ценности, *raison d'être* породившего его модерна.

Таким образом, проект «тотальной мобилизации» Э. Юнгера представляет собой фундаменталистскую альтернативу модерну и заключается в попытке построения радикального, заостренного варианта выхода из кризиса новоевропейской субъективности. Он несет типические черты проектов периода «рефлексивной модернизации» — аналитичность и универсальность. Этот проект претендует на то, чтобы стать фундаментом нового миропорядка и стремится заново оформить человеческую повседневность. Проект «тотальной мобилизации» — знак отхода Э. Юнгера от круга тем, ограниченного внутригерманской проблематикой. «Тотальная мобилизация» — ответ Юнгера на общеевропейский кризис модерна, тематизирующий признаки мировоззренческого и социального кризиса модерна и предлагающий свое, необходимым образом, утопическое решение модернизации модерна. Глобальность (планетарное распространение) предложенного проекта, выход размышления за пределы национального государства являются признаком близящегося перехода к постмодерну. На этом основании «тотальная мобилизация» становится непригодной для непосредственной политической реализации, что подтверждается реакцией на проект непосредственного окружения Э. Юнгера, стремившегося к политическому действию.

Интерпретация проекта «тотальной мобилизации» затруднена без включения этого проекта в контекст эпох. Противоречивое отношение к произведениям Э. Юнгера, свойственное его современникам и критикам, во многом снимается, когда они рассматриваются под углом «рефлексивной модернизации». Становится очевидной типичность юнгеровского «нового порядка». Созданием таких проектов занимались в то время многие интеллектуалы. Некоторые государства пытались насильственно восстановить тотальность утраченного метанарратива. «Тотальная мобилизация» стоит в одном ряду с такими проектами, как, например, «Черный квадрат» Малевича, Баухауз и прочие направления радикального авангарда. Тотальная мобилизация гештальтом Рабочего у Э. Юнгера — трансцендентная схема будущего, как «Черный квадрат» Малевича — трансцендентная схема всякой возможной картины, «отправная точка для нового искусства, которое не только анализирует старое искусство, но и должно при случае его заменить» [11:152].

Изучение таких альтернативных модернистских метанарративов, как юнгеровский проект «тотальной мобилизации» позволяет по-новому посмотреть на последовательность модерна, кризиса модерна и нашей современности, которую принято обозначать как постмодерн.

Примечания:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М., 2002. С. LV.
2. Peyrefitte A. La societe de confiance. Essai sur la origins du developpement. Paris, 1998.
3. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер. с франц. Н.А. Шматко. — СПб., Алетейя, 1998.
5. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / Translated by M. Ritter. London, Sage, 1992.
6. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. — М., Наука, 1989.

7. Адорно Т. Эстетическая теория/ Пер. с нем. А.В. Дранова. — М., Республика, 2001.
8. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А.В. Михайловского. — СПб., 2000.
9. Breuer St. Anatomie der konservativen Revolution. Darmstadt, 1995. S.
10. Dupeux L. Der «Neue Nationalismus» Ernst Jungers 1925-1932. Vom heroischen Soldatentum zur politisch-methaphysischen Realitat // Die groben Jagden des Mythos. Ernst Junger in Frankreich / Hrsg. P. Koslowski. Munchen, 1996.
11. Гройс Б. Фундаментализм как средний путь между высокой и массовой культурой // Ступени. Петербургский альманах. 2000. №1.

© Гурьянова М.А.
г. Екатеринбург

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА

Писательство сродни миростроительству, порождению новой реальности. Этот вид деятельности, как и любой другой, имеет свои традиции, продиктованные целесообразностью. Пожалуй, каждый автор явно или неявно претендует на роль новатора, которому есть что сказать, и который знает, как это сделать наилучшим образом. Чаще всего талантливого писателя не может устроить то, что было создано кем-то до него. Он обречен на поиск своего стиля и создание собственного жанровой конструкции для наилучшей репрезентации актуальных для себя смыслов.

Пик популярности А. Битова пришелся на 1980-е годы. Его «Пушкинским домом» зачитывались современники, получая самиздатовское издание из-под полы на один вечер. Битов был удостоен двух Международных (1990) и двух Государственных премий России (1992, 1997). Вместе с тем теперь, пожалуй, только филологи способны утвердительно ответить на вопрос, знают ли они, кто такой Андрей Георгиевич Битов. Сказанное, однако, не означает, что Битов — автор одной книги, исчерпавший свои темы к тому моменту, когда уже все стало можно. Его произведения издаются в сериях «Русская литература. XX век», «Избранные», «Азбука классики», «Независимая газета». Последняя объемная новинка А. Битова — «Пятое измерение» (2002) — включает в себя эссе на литературоведческо-философские темы, в диапазоне его внимания оказываются деятели от протопопа Аввакума до Жванецкого.

Любимая фраза автора (впервые: «Автобус», 1961), кочующая из произведения в произведение: «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь... <...> Ты кончишься, и она кончится» [1:487]. По крайней мере так — письмо как единственный способ запечатления жизни — можно было бы обозначить его творческую стратегию до перестройки, в 70-е годы, когда, по-нашему мнению, и происходили активные формотворческие поиски.

Особенностями его письма можно назвать: смешение привычных жанров в пределах одного произведения; принципиальную незавершенность текста (он дополняет новыми вставками знакомые читателю романы и повести, но это нельзя назвать литературной игрой, в этом скорее установка на искренность), что проявляется в издании старых произведений в новой последовательности под новыми же заголовками (прием, демонстрирующий неоконченность битовского Текста, который развертывается как совершающаяся жизнь). Так же примечательно, что он не только творит романы-пунктиры, дневники, путешествия, записки, дубли, альбомы, но и рассуждает по поводу своего формотворчества. В частности, сам факт определения жанровых разновидностей, аккуратно называемых автором в подзаголовках, и можно считать своего рода свидетельством писательской рефлексии.

Битову с самого начала, точнее, с 1970-х годов — первые его опыты датируются 1960-м — было свойственно обозначать жанры своих творений. Например, произве-